

После месяца упорных тренировок Жозеф и Клод уже полностью освоились с моим темпом, чему я была искренне рада.

Вот только брат в последнее время стал совсем немногословным, а улыбка на его лице казалась всё более натянутой. Он утверждал, что мне не о чем беспокоиться и он со всем справится.

Возможно, дело снова в давлении со стороны родителей — подобное повторяется из года в год. Но поскольку брат всегда блестяще со всем справлялся, я успокаивалась.

Госпожа Деласойнс очень ко мне привязана. Она то и дело приглашала меня на чай, за которым мы болтали о всяких мелочах из жизни, но чаще всего ей нравилось наблюдать, как я езжу верхом. Я постоянно ловила на себе её взгляды.

Когда вокруг никого не было, я предлагала госпоже Деласойнс прокатиться со мной, но громоздкие пышные платья и тугие корсеты сковывали движения, поэтому она всегда с улыбкой отказывалась и просто молча наблюдала со стороны.

Отрабатывая шаг, я вела лошадь под уздцы и болтала с Жозефом.

— Тебе ведь больше нравится рисовать?

— Да, — тихо признался он. — Клод больше преуспел в физических нагрузках.

— Но ты схватываешь на лету, — обернувшись, я открыто улыбнулась. — У тебя есть талант, ты просто слишком напряжён.

Он посмотрел на мои растрепанные ветром волосы и вдруг тихо произнес:

— Но... когда я разговариваю с тобой... мне не страшно.

Смутившись, он опустил голову и тихонько усмехнулся.

Ветерок пронёсся над лугом, принеся с собой аромат цветов.

Моё сердце на мгновение ёкнуло, но я не отвела взгляд, лишь задорно взметнула брови:

— Ну тогда впредь я буду чаще с тобой болтать!

Клод пристроился рядом, сияя открытой улыбкой:

— Ну как успехи, Юйань-лаоши? Мои навыки ведь стали намного лучше?

Я довольно кивнула, но в голосе проскользнула доля беспокойства:

— Да-да, Клод, но когда же ты наконец научишься сам слезать с лошади?

— Кхе-кхе-кхе, ну, знаешь ли, к спеху ли, — Клод прикрыл кулаком рот и пару раз кашнул. Лицо его резко побледнело, но он по-прежнему виновато улыбался.

У меня внутри всё сжалось, и в душу закралось смутное подозрение:

— Ты что... простудился?

Жозеф, который молча вел под уздцы другую лошадь, чуть заметно сжал пальцы на поводьях. Его мягкие светло-золотистые пряди колыхнулись на ветру и легко скользнули по густым ресницам, скрывая промелькнувшее на дне глаз тяжёлое беспокойство.

Он всегда был молчалив и сдержан, но сейчас в самой его стати явственно проступало едва уловимое напряжение.

— Всё в порядке, у меня вечно так, я давно привык, — Клод испуганно попытался разогнать сгустившуюся атмосферу и поспешно, с показной бодростью сменил тему, изо всех сил стараясь зажечь в глазах искромётный огонёк. — Кстати, Юйань, а что это за ярмарка, о которой ты говорила? Какая она?

Стоило завести речь о шумных торговых рядах, как я мгновенно забыла о недавних тревогах, и мои глаза тут же засияли.

С воодушевлением и без умолку я принялась расписывать всё вокруг: как плывёт в воздухе сладкий аромат выпечки, как пестрят диковинками лотки торговцев, как бурлит жизнь в толпе простых горожан и как красиво загораются тёплые жёлтые фонари с наступлением сумерек.

Клод стоял рядом, затаив дыхание и не отрывая от меня глаз. В его светло-голубых глазах плескалось столько тоски и восхищения, словно ребёнок смотрел на недостижимые звёзды, а дышал он так тихо, что едва можно было услышать.

Жозеф же задумчиво глядел на своего хрупкого младшего брата. Его пальцы чуть ослабили хватку, тяжёлая тень на дне глаз стала гуще, но в конце концов он подавил её и перевёл взгляд на меня — увлечённую, рассказывающую обо всём на свете. В уголках его губ сама собой зародилась едва заметная улыбка, а во взгляде читалось тихое, всеобъемлющее принятие.

Как раз подошло время перерыва. Я украдкой подкралась к братьям и, понизив голос,

заговорщицки предложила:

— А давайте на этих выходных я вас утащу... то есть, совершенно легально свожу на ярмарку! Как вам идея?

Глаза Клода мгновенно вспыхнули, словно внезапно зажжённые звёзды, но этот свет продержался лишь секунду и тут же потух. Даже его мягкие серебристые волосы словно поникли вместе с ним.

Он опустил глаза, и голос его прозвучал тихо, как упавшее пёрышко:

— Нельзя... Мать ни за что не отпустит нас с братом.

— Братишка слаб здоровьем, мать держит его в ежовых рукавицах и редко позволяет выходить куда-то одним, — подал голос Жозеф. Он протянул мне чистое мягкое полотенце и одновременно незаметно подался чуть ближе, так что его широкое плечо как раз заслонило меня от слепящего полуденного солнца, бросив на меня прохладную тень.

Я взяла полотенце, бессильно откинувшись назад, прислонившись к шершавому теплому стволу дерева, и прижала полотенце к лицу, задумчиво бормоча:

— М-да... задачка.

Ветер шумел в листве, солнечные лучи пробивались сквозь крону, согревая тело с уютным теплом.

В глубине души я уже всюю обдумывала план: как же всё-таки вытащить этих двоих мальчишек туда, где кипит самая настоящая, живая человеческая жизнь.

Ветерок пронёсся по макушкам деревьев, сдувая полуденный зной. Я стянула с лица полотенце, вскинула глаза и легонько ткнула Жозефа локтем в бок, подавшись ближе к Клоду. Голос мой стал ещё тише:

— Не бойтесь, у меня есть план! С вашей матушкой я договорюсь сама. Скажу... скажу, что это я велела вам поехать в пригороды, чтобы освоить дорогу и потренироваться в управлении конём, заодно проветриться и отдохнуть!

Уголки рта Клода, до этого уныло опущенные, тут же взметнулись вверх, а на бледных щеках проступил едва заметный румянец.

Его пальцы, сжимавшие край одежды, слегка дрожали, а в глазах плеснулось робкое, невероятное предвкушение:

— Правда можно?.. Юйань... ты и правда сможешь уговорить матушку?

— Разумеется! — я уверенно хлопнула себя по груди, и голос мой зазвучал легко и звонко. — Я, Юйань, никогда не вру! Притворимся, что случайно заглянули на ярмарку, мол, это короткий привал прямо посреди тренировки. Кто догадается, что мы сбежали ради развлечения?

Стоило Жозефу взглянуть на редкое живое выражение лица младшего брата, как его напряжённые плечи заметно расслабились, а светлые локоны мягко заблестели на солнце.

Тревога в его глазах постепенно растаяла под лучами тепла, а на губах заиграла слабая улыбка:

— Тогда вся надежда на тебя, Юйань-лаоши.

Говоря это, он по-прежнему проявлял заботу: не прекращая своего движения, он чуть развернулся так, чтобы по-прежнему защищать меня от прямых солнечных лучей, и его тень мягко пала мне на плечо — так надёжно и спокойно.

Клод не удержался и легонько потянул меня за рукав. Его глаза сияли, словно в них отражались все созвездия мира, а дыхание стало лёгким и частым:

— А на ярмарке... и правда продают медовые пряники? И маленькие вертушки, которые умеют крутиться?

Хотя они с братом ни в чём не нуждались и всегда могли получить всё, чего пожелают, подобное удивительное приключение было для него в новинку.

— Конечно! — я с улыбкой взъерошила его мягкие серебристые волосы. — Там есть и сахарные фигурки, и леденцы на палочке, и разноцветные шёлковые ленты, и уличные музыканты, которые играют весёлые песенки. Там в сто раз интереснее, чем на любом ипподроме!

Он слушал затаив дыхание. Его бледное от недомогания лицо оживо в предвкушении чуда, но не успел он сказать и пару слов, как снова тихо закашлялся.

— Не стоит так перевозбуждаться, устал — передохни.

Клод послушно кивнул и прислонился к стоявшему рядом столбу. Жозеф молча подошёл и аккуратно набросил на плечи брата собственный плащ — движение было столь привычным и естественным, а в глазах таилась давняя, нежная забота.

Глядя на то, как жмутся друг к другу братья, я почувствовала приятное тепло и умиротворение на душе.

— Но уговор дороже денег: на ярмарку мы пойдём, только если ты пообещаешь мне до выходных научиться самостоятельно слезать с лошади. Иначе, если ты свалишься на землю, госпожа Деласойнс точно задаст мне взбучку!

Конечно же, я шутила: разве стала бы госпожа Деласойнс меня ругать? В прошлый раз она вообще заикалась о том, чтобы удочерить меня.

Клод густо покраснел, тут же прикрыл рот кулаком, делая вид, что кашляет, и испуганно отвёл глаза:

— К-кхе-кхе... Ну знаешь ли, умение держаться в седле и умение с него слезать — это совершенно разные вещи! К спеху ли, правда к спеху ли...

Жозеф холодно вставил со стороны:

— Он считает, что «не к спеху» уже целый месяц.

— Брат!

— А я ничего не говорил.

<http://bllate.org/book/20901/2113073>